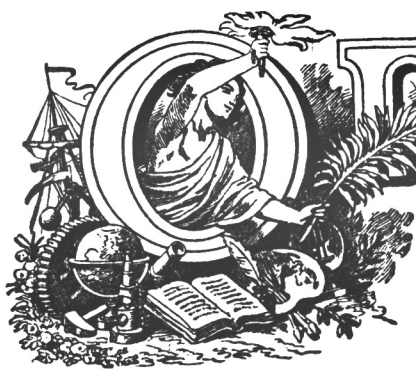

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 40

Суббота, 18 (31) октября 1903 г.

№ 40

У профессора П. П. Чистякова.

Профессоръ Павелъ Петровичъ Чистяковъ считается знаменитымъ рисовальщикомъ не только у насъ, но и за границей. Его портреты-типы имѣли успѣхъ въ Лондонѣ. Даже принципиальные враги строгаго „чистяковскаго“ направленія — декаденты — считаютъ Павла Петровича большимъ рисовальщикомъ...

Чистяковъ только-что переѣхалъ съ дачи. На этомъ основаніи въ громадной казенной квартирѣ сильнѣйшій разгромъ. Маленькій, подвижной, нервный, съ обширнымъ голымъ черепомъ и съдой бородкой, — профессоръ суетился, руководилъ постановкой мебели... Въ мастерской оказались на-лицо только два стула, на которые мы и усѣлись. А со стѣны глядѣлъ на насъ портретъ сидящей въ креслахъ старухи, — покойная мать Павла Петровича, которую онъ писалъ нѣсколько лѣтъ. Зато и получился шедевръ. Такихъ чудно нарисованныхъ рукъ не найти, пожалуй, во всей русской школѣ. Цѣлая поэма честной трудовой жизни читается въ этихъ морщинистыхъ сухощавыхъ рукахъ. Одухотворенныя „говорящія“ руки! Чувствуется настоящее

живое тѣло и въ сильно выѣпленномъ лицѣ. Отъ аскетическаго темнаго платья и бѣлоснѣжнаго чепца въ оборкахъ вѣетъ чѣмъ-то давно минувшимъ, старосвѣтскимъ... Творчество Чистякова было озарено двойной любовью: къ живописи и къ этой старухѣ-матери...

Знаменитый рисовальщикъ во всемъ любить точность.

— Лѣвую руку я писалъ ровно въ десять разъ дольше, чѣмъ голову. По-моему, она все-таки не кончена еще... Матушкѣ подъ конецъ стало тяжело позировать...

* * *

Чистяковъ — замѣчательный профессоръ-руководитель. Среди учениковъ его можно насчитать мастеровъ теперь извѣстныхъ и даже знаменитыхъ...

Юношескіе годы Чистякова и время академическаго ученія текли при суровыхъ условіяхъ.

— ... Я жилъ на квартирѣ у тетки, подъ Невскимъ монастыремъ. Въ мое время тамъ тянулись безконечные огороды... Каждый день приходилось бывать въ академіи два раза: къ утреннимъ классамъ и къ вечернимъ. Каждый конецъ — шесть верстъ одиннадцать

саженъ. Это ужъ потомъ, вернувшись изъ заграничнаго пенсіонерства, — я вычислилъ по плану. Зимой бѣгалъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ. Была у меня и шуба отцовская, но я почему-то стыдился ее носить. Изъ бѣлыхъ волковъ. Стоитъ, думаю, пойти въ ней по улицѣ, всѣ на меня пальцами указывать станутъ. Я предпочиталъ мерзнуть въ лѣтнемъ пальтишкѣ. Особенно скверно приходилось осенью. Дождь, грязь, — мостовыхъ почти не было, — и шлепаешь свои шесть верстъ цѣлыхъ два часа... Но я шутя переносилъ всѣ невзгоды. Мы такъ беззавѣтно любили искусство, что все, кромѣ него, забывали на свѣтѣ. Это была какая-то фанатическая любовь!.. Мы увлекались рисованіемъ до изнеможенія, до обмороковъ. Нѣкоторые даже сошли съ ума, другіе кончили чахоткой...

Это были шестидесятые годы. Годы „исканій“ въ русской живописи. Брюлловъ уже не удовлетворялъ насъ. Мы отдавали ему должное, какъ гениальному рисовальщику, который рисовалъ немногимъ хуже Рафаэля и нисколько не хуже Веласкеза и Гвидо-Рени. Но у Брюллова, замѣтите, никогда не было живого человѣческаго тѣла. Никогда! Онъ далеко, правда, ушелъ отъ „деревянности“ своихъ предшественниковъ. Но приблизиться къ

Къ пребыванію Его Величества въ Вѣнѣ.
Возвращеніе Императорской охоты изъ мѣстности „Оврагъ Карла“. — Въ коляскѣ Его Величество и императоръ францъ-Иосифъ.

Рембрандту, Ванъ-Дикю и Веласкесу ему не удалось. Слишком долго школили его на гипсовых антиках. И мы, бѣдные, никому невѣдомые ученики, мучительно искали жизни, искали ее, даже рисуя мертвые гипсовые модели. Тогда Эрмитажъ не былъ такъ доступенъ для публики, какъ теперь. Его открывали всего нѣсколько разъ въ годъ. Съ какимъ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы этихъ рѣдкихъ дней! И вотъ, предъ портретами Рембрандта и Ванъ-Дика начиналась трагедія. Мы выстаивали цѣлыми часами, всматривались, старались постичь ихъ великую мощь и правду и тѣмъ ярче сознавали собственную слабость. Но мы не падали духомъ и работали, горѣли на работѣ по четырнадцать часовъ въ сутки...

* * *

Олимпійцы-профессора, застывшие въ классическихъ традиціяхъ, сначала съ ужасомъ смотрѣли на наши реалистическія попытки. Но потомъ примирились и махнули рукой. Даже Бруни примирился. Онъ созналъ, что новыя птицы должны лѣтъ новыя пѣсни.

Къ чему привели исканія товарищей Чистякова, — неизвѣстно. Почти не успѣло ихъ. Одни умерли, другіе сошли на нѣтъ, третьи, подававшие большія надежды, какъ, напримѣръ, Зубовъ, сдѣлались прозанческими учителями рисованія. Что же касается самого Павла Петровича, то уже его программа на большую золотую медаль „Софья Витовтовна срываетъ поясъ съ Василия Косого“ является событіемъ въ русской исторической живописи. Это — первая наша историческая картина, трактованная реально, просто, безъ холуднаго мелодраматическаго нафоса. Шварцъ со своими натуралистическими вещами изъ эпохи Грознаго выступилъ значительно позже Чистякова. Одинъ изъ лучшихъ портретовъ, украшающихъ Третьяковскую галерею, „Каменотесъ-итальянецъ съ трубчикою“, написанъ Чистяковымъ въ Римѣ за семь часовъ. Онъ чаруетъ гаммой благородныхъ сѣроватыхъ тоновъ, этотъ сдѣланный широкой, благородной манерой типичный старикъ...

За Чистяковымъ водится способность охарактеризовать какую-нибудь картину однимъ чрезвычайно мѣткимъ словомъ. Изъ одного академическаго поколѣнія въ другое переходить опредѣленіе Павломъ Петровичемъ картины Делароша „Кромвель у гроба Карла“, что находится въ Куселевской галлерей.

Ученики обступили Чистякова, прося высказаться. Профессоръ взглянулъ на деларошевскій холстъ, погладилъ тогда еще только сдѣлшую бородку и произнесъ одно лишь слово:

— Чемаданисто!

Этого было довольно! Всѣ вдругъ почувствовали сразу, что во всей картинѣ, въ неуклюжей, громоздкой фигурѣ Кромвеля, въ гробѣ Карла — есть что-то, напоминающее по тонамъ кожаный чемаданъ. И никто не могъ уже отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія.

Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ талантливый П. П. Гнѣдичъ, бывшій ученикъ Чистякова, вспоминаетъ о „чемаданистомъ“ Кромвелѣ.

Н. Брешко-Брешковский.

О поцѣлуяхъ короля и другихъ невѣсомыхъ.

(Изъ парижскаго дневника).

Модная тема парижскихъ разговоровъ — поцѣлуй, не обыкновенный поцѣлуй, какихъ въ Парижѣ ежедневно много даютъ и получаютъ, а поцѣлуй королев-

скій, тотъ, что напечатлѣлъ король Викторъ-Эммануиль III на ланитѣ президента Луба. Такой сердечности не проявилъ король Эдуардъ VII англійскій; онъ ограничился пожатіемъ руки президента; юный итальянскій король превзошелъ его, онъ, такъ сказать, узаконилъ въ Европѣ монаршію поцѣлудой.

Луба ждалъ короля на вокзалѣ и — сомнѣнія нѣтъ — приготовился достойно встрѣтить его величество; но не успѣлъ онъ, что называется, ротъ раскрыть, какъ изъ вагона вышелъ король, — обнялъ его и поцѣловалъ разъ и другой. То было арѣлище, достойное боговъ, — говоря высокими устарѣлымъ, но вѣчно юнымъ слогомъ. Обыкновенные же смертные, очевидцы событія, наумленно озирались другъ на друга, какъ бы спрашивая, что сіе значитъ. Поцѣлуй, само собою понятно, программой не былъ предусмотрѣнъ, онъ — сверхпрограммный. Самъ г. Луба на одну секунду растерялся, настолько растерялся, что чуть не забылъ представить его величеству свою супругу. Однако, онъ моментально опомнился и сразу вошелъ въ свою роль.

Эту роль, — надо правду сказать, — Луба мастерски разыгрываетъ, онъ сжился съ нею, онъ исполняетъ ее съ тактомъ и достоинствомъ, поистинѣ удивительными. Мѣщаниномъ въ дворянствѣ всегда казался Феликсъ Форъ, смотрѣвшій на людей и вещи сверху внизъ; наоборотъ, бравый буржуа изъ Монтелимара держитъ себя просто, но есть что то величавое, возвышенное въ его манерѣ говорить, въ его движеніяхъ, въ походкѣ, въ его умѣннѣ представлять. Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ глава государства приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ, съ общественными элементами, и мое убѣжденіе таково, что многіе изъ нихъ уступаютъ президенту Лубу въ выдержкѣ, въ способности взять то, что на языкѣ артистовъ, называется вѣрнымъ тономъ. А между тѣмъ, вѣрный тонъ значить въ такихъ случаяхъ очень много, если не все.

Вы, должны вообразить маленькую фигуру президента въ черномъ фракѣ, а вокругъ него плечистые, рослые сановники въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, и тогда поймете, что нужны умъ и тактъ прирожденные, нужно быть естественнымъ, на себя, и только на себя похожимъ нужно быть, а не казаться, для того, чтобы произвести сразу впечатлѣніе выгодное и неизгладимое. Въ Лубѣ именно сочетается счастливо естественность съ тѣмъ „тономъ“, который люди лакейскаго пошиба признаютъ только въ представителяхъ извѣстной „расы“, считая его чѣмъ-то природнымъ, недостижимымъ для обыкновенныхъ смертныхъ. И я думаю, что президентъ Французской республики въ три года усвоилъ этотъ тонъ именно потому, что онъ о немъ мало думалъ. Это видно было вчера, когда онъ спускался съ вокзальной лѣстницы. Спуститься съ лѣстницы, — подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, какой подвигъ! Подняться — и то вѣдь нетрудно, каждый ребенокъ можетъ это сдѣлать. Но попробуйте спускаться съ лѣстницы, лишенной перилъ, находясь во главѣ цѣлаго кортежа, чувствуя устремленные на васъ взоры десятковъ тысячъ людей, шагая рядомъ съ королемъ, не прекращая разговора съ нимъ ни на одну минуту, имѣя въ двухъ шагахъ позади себя королеву... Попробуйте, и если вы не полетите сверху внизъ, то, право же, будете Бога благодарить. Но что при этомъ вы будете себя чувствовать такъ же спокойно, ваша походка, манеры и движенія будутъ такъ же естественны, какъ у Луба, — въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. И если для васъ мое показаніе не достаточно авторитетно, то обратитесь за справками

къ старымъ дипломатамъ и придворнымъ. Маркизъ де-Фаринкуръ, церемоніейстеръ тюльерійскаго дворца, утверждаетъ, что только два монарха, именно Людовикъ XIV и Наполеонъ I, вполне владѣли труднымъ искусствомъ спускаться по большой парадной лѣстницѣ. И замѣтите, Наполеонъ учился этому искусству у Таллы, тогда какъ г. Луба ровно ничѣмъ не обязанъ г. Коклану; онъ предоставленъ самому себѣ, онъ гениальнѣе Наполеона...

Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о г-жѣ Луба, супругѣ президента республики; но долженъ предпослать имъ впечатлѣніе, произведенное королевой Еленой, т. е. собственно не королевой, а ея туалетомъ. Меня увѣряютъ, и самъ я такъ думаю, что туалетъ былъ не совсемъ удачный и казался произведеніемъ придворнаго портного... изъ Цетинья. Съ этимъ не можетъ мириться самая заурядная парижанка. Строго-критическія замѣчанія вызвала въ особенности огромная черная шляпа съ перьями, низко опущенными и поэтому маскирующая прекрасныя черты лица и чудные глаза королевы. Во всякомъ случаѣ, я не далеко уйду отъ правды, если скажу, что свѣтло сѣрое шелковое, великолѣпными кружевами отдѣланное платье г-жи Луба побѣдило бархатное платье королевы, имѣвшей на плечахъ длинное боа изъ страусовыхъ перьевъ.

Г-жа Луба, такъ же, какъ и ея супругъ, живое свидѣтельство того, что личность человѣческая вырастаетъ по мѣрѣ того, какъ дѣлаются болѣе широкими цѣли, которыя она ставитъ себѣ. До сихъ поръ, при встрѣчѣ монарховъ, супругъ президента республики отводилась второстепенная роль. Она участвовала во встрѣчѣ — и только. Официальнаго значенія это участіе не имѣло; супругъ президента приходилось ступать на задній планъ, дабы не страдали демократическія чувства французовъ, какъ гласила молва, дабы не оскорблялись чувства аристократическія, какъ утверждали лица, хорошо осведомленные. Ни г-жа Карно, ни г-жа Форъ не участвовали во встрѣчахъ, и визитъ главы чужестраннаго государства въ Тюльерійскомъ дворцѣ былъ визитомъ президенту, а не его супругѣ, которая скромно оставалась въ смежной комнатѣ на случай, если высокій гость выразитъ желаніе „повидать madame“.

Итальянская королевская чета нанесла визитъ президенту Французской республики и его супругѣ, которая представила королевѣ женъ министровъ и генераловъ, очутившихся въ положеніи придворныхъ дамъ г-жи Луба. Раньше эта обязанность возлагалась на супругу посла, аккредитованнаго при дворѣ монарха-гостя. Такимъ образомъ г-жа Луба сдѣлалась государственной особой, если позволительно такъ выразиться, — она официально стала первой гражданкой Французской республики, подобно тому, какъ г. Луба — ея первый гражданинъ.

Я едва-ли ошибусь, если скажу, что приглашеніе посѣтить Римъ одновременно съ Эмилемъ Луба получила и г-жа Луба. Созданъ, стало быть, прецедентъ, которому суждено получить большое значеніе въ будущемъ. Отнынѣ третья Французская республика имѣетъ не только президента, но и президентшу.

Новое положеніе или новая должность, — не зная, право, какое выраженіе точнѣе, — сопряжено съ новыми обязанностями. На посту президентши, несмотря на приемы, парады и выходы, г-жа Луба найдетъ, вѣроятно, иногда свободную минутку, чтобы вспомнить о томъ времени, когда она, маломузель Пикаръ, дочь галантерейнаго торговца, лишь послѣ многихъ мѣсяцевъ раздумья, согласилась принять предложеніе молодого

адвоката Луба, человека, какъ ей тогда казалось, не имѣющаго ничего впереди.

ПАРИЖЬ,
октябрь 1903 г.

Л. А.

Новый статсъ-секретарь папы.

Назначеніе Мерри-дель-Валья статсъ-секретаремъ папы ни для кого не было неожиданностью. Самъ Пій X высоко цѣнитъ государственныя и дипломатическія качества своего молодого статсъ-секретаря. Притомъ же всѣ кардиналы, кому Пій X предлагалъ этотъ постъ, отклонили высокую честь, ссылаясь на старость и разстроенное здоровье.

Мерри-дель-Валь еще совсемъ молодой человекъ. Онъ родился 10-го октября 1865 г., такъ что ему сейчасъ 38 л. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ будетъ назначенъ кардиналомъ, онъ окажется самымъ молодымъ изъ всѣхъ кардиналовъ.

Мерри-дель-Валь—сынъ бывшаго испанскаго посланника при Ватиканѣ. Онъ родился въ Лондонѣ, въ то время, какъ его отецъ занималъ тамъ мѣсто совѣтника посольства. Отецъ нынѣшняго статсъ-секретаря папы былъ завзятый папистъ, про котораго говорили, что онъ „rio papa del papa“ (болѣе папа, чѣмъ самъ папа). Онъ порвалъ всякія сношенія съ своимъ любимымъ кузеномъ только потому, что тотъ принялъ постъ посланника при Квириналѣ.

Молодой статсъ-секретарь былъ рукоположенъ въ санъ священника 30-го декабря 1888 г. Онъ кончилъ съ отличіемъ курсъ дипломатическихъ наукъ въ „Accademia dei Nobili Ecclesiastici“, гдѣ обучались всѣ представители знати, готовящіеся къ служебному звѣнію папъ на дипломатическомъ поприщѣ. Онъ состоялъ подъ особымъ покровительствомъ кардинала Рамполлы, знавшаго всю семью Мерри-дель-Валья еще по Мадриду. Его руководителями, кромѣ того, были еще и іезуиты. И этимъ, конечно, объясняется его быстрое движеніе по іерархической лѣстницѣ Ватикана. Покойный папа Левъ XIII назначилъ его своимъ тайнымъ секретаремъ еще тогда, когда у Мерри-дель-Валья не было священническаго сана. Затѣмъ онъ постепенно назначался: дѣйствительнымъ камергеромъ, домашнимъ прелатомъ, апостольскимъ делегатомъ въ Канадѣ и номинальнымъ епископомъ Ниццы. Въ 1888 г. онъ посѣтилъ Берлинъ въ качествѣ частнаго секретаря нунція Галимберти, а въ 1902 г. былъ замѣстителемъ папы во время коронаванія короля Эдуарда VII-го. За послѣдніе годы онъ попытался эмансипироваться отъ вліянія Рамполлы и іезуитовъ. Это, по всей вѣроятности, повліяло на выборы его на постъ секретаря конклава.

Итальянская газета, „Corriere della Sera“, задается цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся причинъ, почему папа Пій X остановилъ свой выборъ на молодомъ Мерри-дель-Валь. Хотѣлъ ли папа доказать этимъ свою солидарность съ политикой покойнаго Льва XIII? Или онъ искалъ преданнаго слугу для осуществленія своихъ религіозныхъ тенденцій? А можетъ быть его выборъ палъ на Мерри-дель-Валья потому, что онъ не нашелъ возможнымъ принять кандидатуру тѣхъ, кого выдвигалъ Ватиканъ или общественное мнѣніе? Или, быть можетъ, Пій X-го побудило превосходное знаніе Мерри-дель-Валья французскаго и англійскаго языковъ и его прежняя дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ? Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ подождать, пока выяснится будущая дѣятельность вновь назначеннаго статсъ-секретаря.

Мерри-дель-Валь,
статсъ-секретарь папы Пія X.

„Corriere della Sera“ правъ. Надо подождать.

Изъ Ватиканской жизни.

Какъ готовится пища для святого отца.

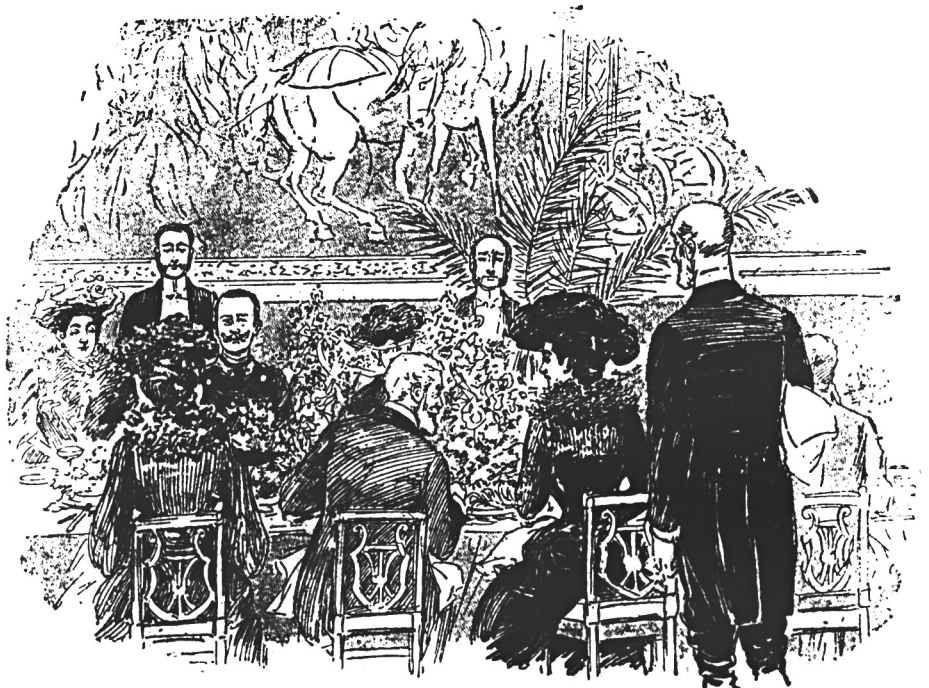
Каждый пилигримъ, отправляющийся въ Римъ на поклоненіе папѣ, каждый туристъ стараются что-нибудь вывѣдать о внутренней жизни Ватикана. И чѣмъ болѣе вліятельны лица, давшія туристу или пилигриму рекомендательныя письма, чѣмъ теплѣе самыя рекомендаціи, тѣмъ шире раскрываются передъ нимъ Ватиканскія двери и тѣмъ глубже можетъ онъ заглянуть въ тайники этого чудовищнаго дворца или, вѣрнѣе, собранія нѣсколькихъ дворцовъ, въ которомъ находится резиденція намѣстника Христа на землѣ. Это собраніе дворцовъ съ его 20 дворами, 10 тысячами залъ, капеллъ, комнатъ и корридоровъ, его музеями, галереями и собраниями, его садами и парками, его озерями, лѣтними павильонами, гротами, виноградниками и оливковыми рощами, его

безчисленными фонтанами, площадями и казармами, его верховыми дорогами и пѣшеходными аллеями представляются для всякаго непосвященнаго чѣмъ то таинственнымъ и чудеснымъ... За главнымъ входомъ, за бронзовыми воротами, начинается другой міръ, сюда не простирается власть современной Италиі. Здѣсь вы вступаете въ экстерриториальную область. Здѣсь вы больше не въ Италиі.

Ужъ одинъ взглядъ на пестрыхъ, по средневѣковому одѣтыхъ швейцарцевъ, стоящихъ у подножія лѣстницы, ведущей въ Дамасскій дворъ, производитъ впечатлѣніе чего-то необычайнаго. Впечатлѣніе это еще усиливается торжественной тишиной, царящей во дворахъ и на лѣстницѣ. Близость первосвященника чувствуется уже издали. Вы чувствуете, что находитесь вблизи того, у котораго соединяются всѣ безчисленныя нити, связующія съ Римомъ уже почти 2 тысячу лѣтъ христіанство, т. е. католиковъ всѣхъ странъ міра.

Но мы не пойдемъ за пилигримами или за туристами мимо гвардейцевъ, блестящихъ кемереровъ, въ Климентійскій залъ или въ Лоджіи, чтобы присутствовать на папской аудіенціи, а мы проникнемъ глубже въ тайники Вашингтона. Мы пойдемъ туда, откуда святой отецъ получаетъ подкрѣпленіе своихъ физическихъ силъ, дающихъ ему возможность исполнять высокія задачи своего высокаго положенія, и нести тяжесть трудовъ, возложенныхъ на него его призваніемъ. Мы пойдемъ въ Ватиканскую придворную кухню, т. е. собственно папскую кухню. Кухонь въ Вашингтонѣ безчисленное множество, около трехсотъ. Въ папатынскіе прелаты, проживающіе въ Ватиканѣ кардиналы, кемереры, офицеры гвардіи, пожарные, женатые чиновники, рабочіе, всѣ пользуются особыми квартирами, а слѣдовательно и отдѣльными кухнями.

Кухня предназначенная служить для св. отца, находится въ среднемъ этажѣ жилого дворца, построеннаго въ 1585-1590 году папой Сикстомъ V и находящагося въ прямой непосредственной связи съ дворомъ Дамаска, откуда и приносятся провизія на кухню. Кухня находится въ веденіи папскаго мажордома. Въ качествѣ администратора, управителя и начальника внутренней службы, дѣйствуетъ

Г-жа Луба.

Король.

Президентъ Луба.

Королева.

Итальянская королевская чета въ Версаль. — Парадный завтракъ въ галлерей исторической живописи.

„Maestro di casa dei Palayzi Apostolici“, (управитель апостольских дворцов), как назывался во время болѣзни Льва XII и во время канклава командаторъ Пуччинелли. Изъ его канцелярии исходили извѣстные бюллетени о состоянii папы и онъ же исполнялъ должность провизора канклава. На его обязанности лежала не только забота о жизненномъ продовольствii всѣхъ участниковъ канклава, но также онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, что бы въ Ватиканѣ не проникло что-нибудь недозволенное, что, какъ извѣстно, наказуется исключенiемъ виновнаго изъ состава канклава.

Въ папской кухнѣ работаетъ собственнo только одинъ поваръ и поваренокъ. Кромѣ того, къ папской кухнѣ прикомандированъ одинъ помощникъ и закупщикъ, который исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія работы. Кухня состоитъ только изъ двухъ отдѣленiй; второе служитъ собственно

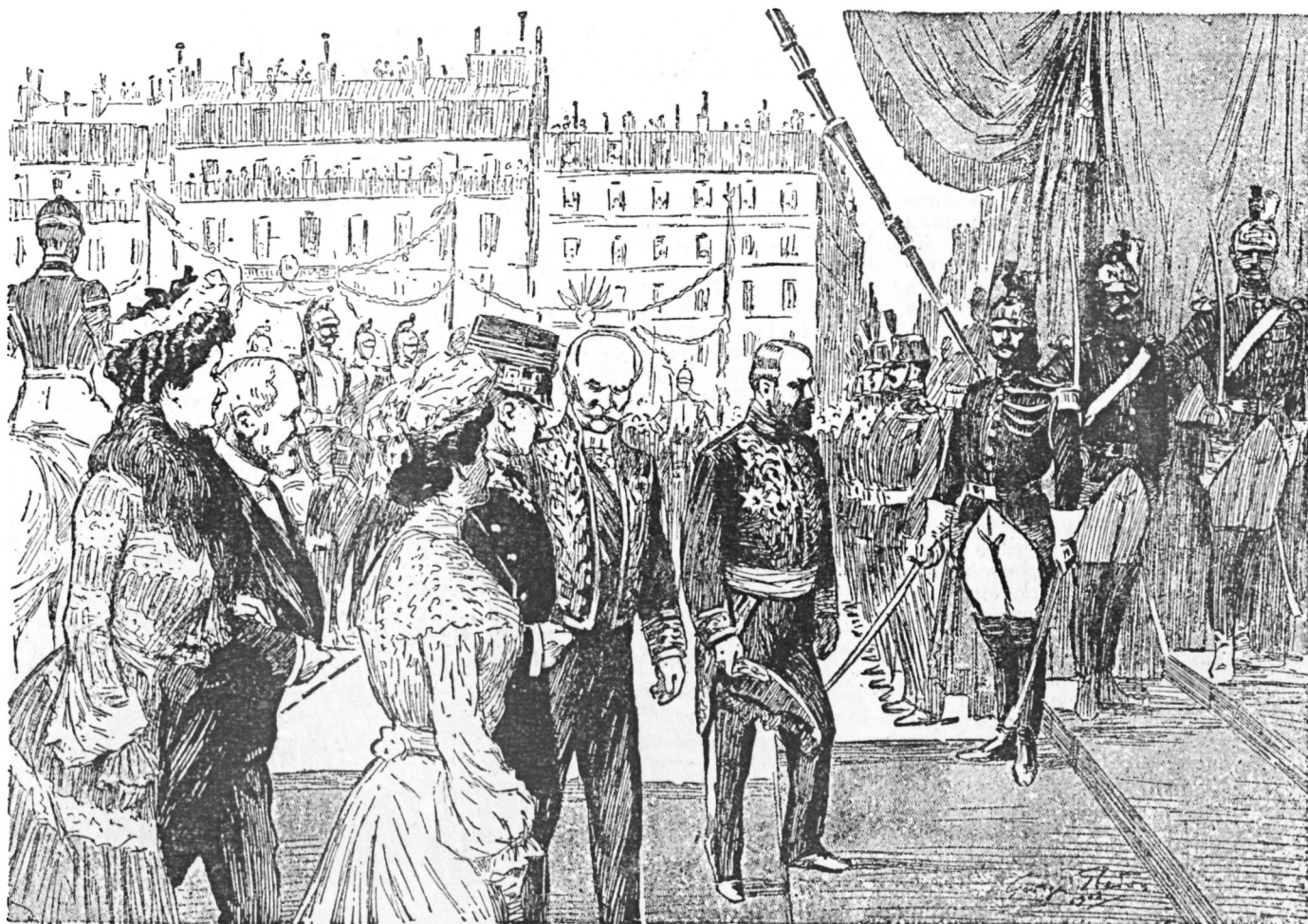
г. Делькассе. Президентъ Королева. Король. г-жа Лубэ. г-жа Делькассе. Лубэ.

Къ пребыванiю итальянской королевской четы въ Парижъ.
Концертъ, устроенный въ честь высокихъ гостей г. Делькассе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

кухней, гдѣ готовится пища, а первое — преддверiемъ. Устроена она по образцу нынѣшнихъ итальянскихъ или,

вѣрнѣе, римскихъ кухонь. Русская домохозяйка или нѣмецкая хозяйка была бы въ отчаянii, не найдя здѣсь массы вещей, составляющихъ ея гордость, какъ напримѣръ, сияющей мѣдной посуды на полкахъ. Со многими-же другими вещами она прямо бы не знала, что дѣлать, такъ какъ онѣ составляютъ особенность итальянской кухни и служатъ для изготoвления специально римскихъ блюдъ. Но въ какое негодование пришли-бы запасливыя хозяйки, узнавъ, что во всемъ Ватиканѣ нѣтъ ни одной кладовой! Нелзя же назвать кладовой уголь въ первомъ отдѣленii кухни, гдѣ постоянно хранится нѣсколько томатовъ и нѣсколько наанизанныхъ на веревку головокъ лука и чеснока.

Папа живетъ, что называется, — въ обрѣзъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ винными погребоми. Въ этомъ погребоу хранятся драгоценнѣйшiя и лучшiя вина на свѣтѣ. Почти всѣ безъ исключенiя съ большой Ва-

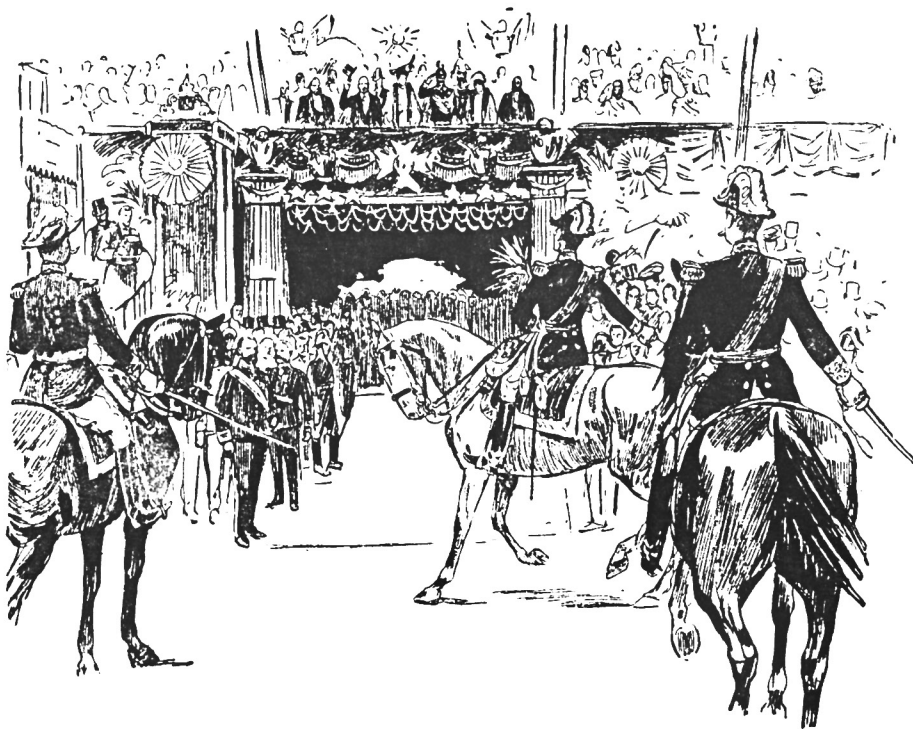
Королева. Президентъ Лубэ. Г-жа Лубэ. Король.

Къ пребыванiю итальянской королевской четы въ Парижъ. — Прiемъ высокихъ гостей въ парижской ратушѣ.

тиканской выставки 1888 года, а также присланный въ подарок со всѣхъ концовъ міра покойному папѣ Льву XIII, по случаю его первого юбилея. Но даже и нынѣшній папа Пій X не можетъ, конечно, выпить всѣхъ этихъ винъ, хотя съ каждымъ годомъ они теряютъ свои качества.

Но вернемся къ кухнѣ и ея дѣятельности. Уже рано утромъ вышеупомянутый закупщикъ отправляется въ городъ. Впрочемъ, ему идти не далеко, такъ какъ ватиканскіе поставщики живутъ на Борго, вблизи Ватикана. По полученной еще съ вечера отъ лейбъ-повара запискѣ, закупщикъ запасается мясомъ, рыбой, свѣжими овощами, при чемъ, главную роль играютъ „сезонный салатъ“ и томаты. Въ большомъ количествѣ закупается только прованское масло, замѣняющее наше коровье.

Въ 10 часовъ на кухню является лейбъ-поваръ, гдѣ уже его помощникомъ разведенъ огонь. Несмотря на то, что въ папской кухнѣ есть модная, такъ называемая

Послѣ парада въ Венециі военный министр генералъ Андре и парижскій военный губернаторъ салютуютъ королевской четѣ.

„cucina economica“, тѣмъ не менѣе, большая часть блюдъ готовится на старинномъ „ragnello“, т. е. на четырехъ-угольномъ очагѣ съ четырьмя камфорками, выложенными кафелемъ, который топится древеснымъ углемъ. Этотъ обы-

чай, какъ остатокъ древнихъ римлянъ, сохранился до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. На эти камфорки ставятся котлы, здѣсь готовится „Miestra“ (супъ изъ всевозможныхъ овощей и зелени, приготовленный на свиномъ салѣ) и „Brodo“ (мясная похлебка); изъ этого же очага готовится безчисленное множество блюдъ изъ овощей, которыми такъ богата итальянская кухня, наконецъ, въ „Contorbios“ (приправы, подаваемые вмѣстѣ съ жаренымъ мясомъ). Прежде всего, знаменитыя „Masccheroni“, изъ которыхъ въ Италіи готовится не менѣе 192 сортовъ подъ различными именами.

Совступленіемъ на тронъ венеціанца Пія X въ Ватиканѣ проникла венеціанская кухня и макароны немного вытѣснены рисомъ. Рисъ въ видѣ „risotto“ или въ какой нибудь другой формѣ считается любимымъ блюдомъ нынѣшняго папы. Карли также во всевозможномъ видѣ играютъ большую роль въ папскомъ столѣ главнымъ образомъ дичь, начи-

Военный мин. Мин. иностр. д. г. Луба. Президентъ Король. Королева. генер. Андре. Делькассе. Луба.

Къ пребыванію итальянской королевской четы въ Парижъ.

Отъездъ итальянской королевской четы изъ Парижа. — Король и королева прощаются съ представителями правительства республики на вокзалѣ des Invalides.

ная съ куропатки и перепела и кончая дроздомъ и жаворонкомъ. Всѣ эти птички жарятся на вертелѣ, приводимомъ въ движеніе маленькимъ газовымъ механизмомъ. Соусы къ жаркимъ совершенно неизвѣстны въ Ватиканѣ. Салатъ, неизбежный при каждомъ блюдѣ, замѣняетъ соусъ въ томъ смыслѣ, что онъ сильно сложенъ масломъ. Вообще, на папской кухнѣ жаркое не жарится на сковородѣ, а всегда на вертелѣ или на „Grillo“ (рошперъ). Это конечно служить причиной нѣкотораго однообразія въ столѣ.

Предназначенныя для св. отца блюда, ставятся на деревянный подносъ, который особый служакшій и уноситъ въ столовую его святѣйшества, гдѣ его встрѣчаютъ „Scalco segreto“ (мундшенкъ), который и передаетъ его своему господину. Нужно вино непосредственно передается изъ погребка келермейстеромъ мундшенку, но келермейстеръ, по ватиканскому церемониалу, не имѣетъ доступа въ столовую его святѣйшества. Изъ этого краткаго обзора видно, что папская кухня не имѣетъ ничего общаго съ величавыми огромными кухонными сооружениями царскихъ и велико княжескихъ домовъ Европы. Здѣсь нѣтъ ни важнаго, полнаго собственного достоинства „шефа“, ни всевозможныхъ младшихъ и старшихъ поваровъ, кондитеровъ, официантовъ, разныхъ судомосковъ для серебра, фарфора и т. п. Здѣсь все исполняетъ одинъ человекъ, такъ какъ, по ватиканскому церемониалу, папа не даетъ ни обѣдовъ, ни завтраковъ, ни ужиновъ. Папа ѣстъ постоянно одинъ, подчиняясь въ этомъ случаѣ самъ особому церемониалу.

Картины Марокко.

Удивительно тишину магометанскій городъ Фецъ. Улицы узкія, дома высокіе. То здѣсь, то тамъ на фасадѣ прорѣзано маленькое рѣшетчатое окошечко, а чаще всего просто слуховое отверстие въ 2 пяди вышины и пядь ширины. Если же вы попадете внутрь этихъ маленькихъ крѣпостей, то васъ поражаетъ рѣзкій контрастъ между сырми холодными стѣнами внѣшней стороны дома и внутренней, съ теплыми тонами красокъ, художественной мозаикой и деревянными колоннами. Потолки и карнизы квадратнаго дома съ внутреннимъ дворомъ красиво украшены художественными и писанными арабесками. Посреди двора бьетъ фонтанъ, гармоничное журчаніе котораго придаетъ особое настроеніе и прелесть всему окружающему. Нужно находиться въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ арабами и вообще нужно быть очень хорошо зарекомендованнымъ прежде, чѣмъ арабъ рѣшится ввести въ свою маленькую крѣпость чужеземца, особенно христіанина. Но вотъ желанное приглашеніе получено, посѣтитель входитъ въ комнату, изображающую нѣчто вродѣ гостиной, двери ея въ мавританскомъ стилѣ и, какъ вообще во всѣхъ комнатахъ арабскихъ жилищъ, выходятъ во дворикъ. Обыкновенно эта пріемная комната располагается въ одномъ изъ верхнихъ этажей, вдоль которыхъ кругомъ двора идутъ деревянные рѣзные, художественныя баллюстрады. Любопытныя дѣтскія личики, выглядывающія отовсюду, и не менѣе любопытныя женскія глаза слѣдятъ черезъ шелку притворенной двери за чужестранцемъ, который, съ трудомъ поджавъ подъ себя ноги, сидитъ на подушкахъ на мозаичномъ полу, воелъ хозяина дома.

Если хозяинъ особенно довѣряетъ своему посѣтителю, то, онъ, пожалуй, покажетъ ему даже свой гаремъ, куда не

смѣетъ заглядывать ни одинъ посторонній человекъ. Вы идете по баллюстрадѣ къ притвореннымъ дверямъ, хозяинъ говоритъ нѣсколько словъ женщинамъ, дверь поспѣшно захлопывается, слышится быстрое щебетанье женскихъ и дѣтскихъ голосовъ, и вы съ какой-то особой боязнью передъ святилищемъ дома невольно замедляете шагъ, хозяинъ открываетъ дверь, вы входите въ комнату, похожую на первую; вдоль стѣнъ лежатъ масса подушекъ, сложенныхъ другъ на друга и покрытыхъ коврами ручной работы арабскихъ женщинъ. На изящныхъ деревянныхъ рѣзныхъ этажеркахъ, на стѣнахъ, стоятъ всевозможныя бездѣлушки, серебряныя кувшины съ длинными горлами, наполненные ароматной водой, которой послѣ принятія пищи моютъ лицо, руки, ноги. На низенькомъ кругломъ столѣ, на деревянной ножкѣ въ 10 сантиметровъ вышины, стоитъ маленький толстоухій цинковый чайникъ—Made in England—и съ подложки маленькихъ стакановъ. Съ потолка спускается большая керосиновая лампа, совсѣмъ не подходящая къ стилю окружающей обстановки. Но обитательницы этого покоя нечеловѣки. Тихое хихиканье въ боковыхъ комнатахъ указывало на ихъ присутствіе. Въ эти комнаты проникнуть иностранцу невозможно даже при самой интимной дружбѣ съ хозяиномъ дома.

Мы возвращаемся назадъ въ пріемную и я опять съ трудомъ поджимаю подъ себя ноги. Хозяина это сильно забавляетъ. Онъ дѣлаетъ это съ легкостью и изяществомъ, съ какимъ мы протягиваемъ руки и видимъ кокетничаетъ своими свѣжевымытыми пятками. Слуга приноситъ чайный приборъ. Самый старѣйшій изъ присутствующихъ арабовъ начинаетъ готовить чай. Всѣ смотрятъ на эту процедуру въ почительномъ молчаніи. Сперва арабъ наливаетъ въ цинковый чайникъ кипятку изъ дымящагося котла и тщательно его спускаетъ. Затѣмъ наливаетъ кипятку въ стоящіе кругомъ стаканы и тоже ихъ прополаскиваетъ. Затѣмъ въ одинъ изъ стакановъ насыпаетъ чаю изъ жестяной банки и высыпаетъ въ чайникъ, ошпариваетъ чай кипяткомъ и сейчасъ-же сливаетъ; чайникъ наполняется почти до краевъ свѣжевымытымъ чаемъ. Въ то же время онъ колетъ сахаръ на большіе куски и складываетъ въ чайникъ, только самый большой кусокъ кладетъ сверху на край и начинаетъ лить кипятокъ черезъ верхній кусокъ сахару такъ, что, когда чайникъ наполнится, сахаръ растаетъ; затѣмъ этотъ важный церемоніемейстеръ наливаетъ себѣ полъ-стакана чаю и пробуетъ. Разумѣется, чай еще не настоялся, приходится подождать, пока вода, чай и сахаръ не соединятся въ одно общее цѣлое.

Нѣсколько разъ арабъ наполняетъ свой стаканъ и опять выливаетъ его обратно въ чайникъ. Наконецъ, пробуетъ въ послѣдній разъ: чай готовъ. Медленно наполняетъ онъ каждый стаканъ и подаетъ гостямъ, строго соблюдая ранги. Съ самаго начала приготовления чая и все время, пока угощаются гости, хозяинъ не садится на мѣсто, едва выпиваетъ одинъ стаканъ чая, который, надо замѣтить, удивительно вкусенъ, но больше не пьетъ ничего, пока его гости не будутъ удовлетворены. Мы пьемъ нашъ чай по одному или по два стакана или, вѣрнѣе, смакуемъ его. Цѣлая симфонія чмокающихъ, прихлебывающихъ звуковъ наполняетъ домъ.

Священный мѣста въ арабскихъ жилищахъ, помимо гаремовъ, — крыши. Для мужчинъ считается неприличнымъ, а арабамъ даже запрещено подъ страхомъ наказания показываться на крышахъ. Здѣсь царство женщинъ. На улицахъ эти бѣдныя созданія могутъ показываться заку-

танными въ видѣ мумій, открытой оставляется только узкая щелка для глазъ. Магометанскіе обычаи еще сохранились въ Фецѣ въ полной неприкосновенности; въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на Константинополь, гдѣ знатныя магометанки часто окутываютъ свое лицо просто тонкимъ вуалемъ, черезъ который кокетничаютъ во всю. Въ Фецѣ царитъ пуританская строгость, доходящая до того, что жены знатныхъ арабовъ никогда не выходятъ на улицу. Каково-же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ на улицѣ совершенно голую женщину. Это была сумасшедшая и потому считалась священной. Уже много разъ султанъ дарилъ ей одежду, но она съ презрѣніемъ отвергала и никто ее не преслѣдовалъ, впрочемъ, въ другомъ кварталѣ подъ пару ей странствовалъ совершенно голый взрослый мужчина. Идеаль женской красоты арабы полагаютъ въ полнотѣ и всѣ стараются заподолчить въ свой гаремъ по возможности полную женщину. Это своего рода спортъ у арабовъ. На крышахъ женщины сидятъ безъ покрывала и часто останавливаясь въ изумленіи передъ тѣмъ, какія восхитительныя бабочки появляются изъ этихъ ужасныхъ коконовъ. Я часто гостилъ у двухъ нѣмецкихъ купцовъ, любезно предоставившихъ мнѣ свой домъ на время моего пребыванія въ Фецѣ. Съ веранды этого дома я часто наблюдалъ въ бинокль прелестныя видѣнія, появляющіяся на крышѣ, когда спадаетъ зной передъ заходомъ солнца. Женщины ловили другъ друга, играли во всевозможныя игры, шли туалеты, смѣялись, хихикали, перебрасывались съ крыши на крышу шутками, иногда довольно свободными по жестамъ и выраженіямъ. Вообще, арабы мужчины очень благопріостойны и сдержанны и противоположныя качества снисходительно предоставляютъ женщинамъ. Почти невѣроятна способность арабовъ лазать по крышамъ; онъ съ легкостью бѣлки прыгаютъ съ крыши на крышу, карабкаются на высокіе стѣны и карнизы и часто обходятъ цѣлый рядъ пріятельницъ, не слѣзая внизъ. Возлѣ нашего дома жилъ шерифъ съ двумя прелестными дочерьми, которыя мнѣ страшно нравились, и онъ не трогался съ мѣста, когда замѣчали, что я ихъ разсматриваю въ бинокль. Въ одинъ прекрасный день одна дѣвушка даже спустила свою обнаженную ногу на карнизъ крыши, но лучше бы она этого не дѣлала, потому что, при видѣ страшной неуклюжести этой ноги, я представилъ себѣ съ боку на бокъ переваливающуюся походку и мои иллюзіи разлетѣлись, какъ дымъ.

Совершенно другая жизнь идетъ въ еврейскомъ кварталѣ Фецы, въ Мелахъ. Евреи живутъ въ такъ называемомъ Гетто. Это потомки изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ, это, такъ сказать, аристократы еврейства. Но въ какомъ положеніи они здѣсь живутъ! Арабы обращаются съ ними хуже, чѣмъ съ собаками, высасываютъ изъ нихъ все, притѣсняютъ, и, несмотря на это, они чувствуютъ себя превосходно въ своемъ кварталѣ. Хотя передъ ними открытъ цѣлый міръ и по образованію они стоятъ нѣрѣдко выше арабовъ, тѣмъ не менѣе они остаются здѣсь, терпя униженія и поношенія. Удовлетвореніе за все это они находятъ въ торговлѣ, почти исключительно сосредоточенной въ ихъ рукахъ. Гдѣ только дѣло идетъ о какомънибудь гешефтѣ, тамъ евреи являются посредниками. Богатства, скрывающіяся въ Мелахъ, очень значительны. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы думать, что евреи представляютъ изъ себя пѣнеровъ европейской культуры въ Марокко. Нѣтъ, пользуясь всѣми средствами съ изумительной виртуозностью, они стараются только забрать въ свои руки всю европейско-марокканскую торговлю. Еврейскій вопросъ въ Марокко чрезвычайно

обостренъ, Но вернемся къ здѣшней обособленной жизни евреевъ. Прежде всего мелахскій кварталъ кишитъ страшно надоедливыми дѣтми. Носколько здѣсь поразительной красоты! Феи евреи вступаютъ въ бракъ очень рано: мальчики отъ 12 лѣтъ, дѣвочки-же 8 лѣтъ. Здѣсь не рѣдко встрѣтить 14-лѣтнихъ женщинъ въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами, но поразительной красоты. Но на 20 году на ихъ лицахъ уже появляются морщины; въ 30-лѣтнемъ возрастѣ онѣ начинаютъ безобразно жирѣть, а въ 40 лѣтъ это уже совершенно старыя женщины; въ 50 лѣтъ это уже престарѣлыя дряхлыя старухи. Евреи мальчики отличаются нѣжными, мягкими и женственными чертами лица, но когда они становятся юношами, они принимаютъ типъ такъ называемыхъ еврейскихъ олуховъ. Въ мужчинахъ этотъ непріятный типъ выступаетъ еще рѣзче: среди стариковъ вы найдете массу патриархальныхъ фигуръ, величавыхъ и полныхъ собственного достоинства. Въ то время, какъ евреи, живущіе по берегу моря, въ нравственномъ отношеніи упали очень низко, въ Мелахъ, въ Фецъ, нравственность стоитъ на изумительной высотѣ, что объясняется ранними браками. Еще одно странное явленіе представляетъ еврейство въ Фецъ: изящными ремеслами и починками занимаются исключительно евреи.

Еврейскіе дома въ Мелахъ строятся въ арабскомъ юдоизированномъ стилѣ. По отношенію къ удобствамъ внутренняго убранства замѣтно сильное влияние европейской культуры, такъ что въ этомъ отношеніи о туземномъ стилѣ говорить не приходится. Замѣчательно то, что масса евреевъ изъ Фена, составившихъ себѣ состояніе за границей, снова возвращаются въ Фецъ со своими богатствами для того, чтобы доживать остатокъ дней своихъ въ рабствѣ, униженіи и презрѣніи. Очевидно, въ нихъ очень сильно чувство привязанности къ родинѣ и къ своему племени.

Сейчасъ же возлѣ Мелахи расположено цѣлое собраніе султанскихъ дворцовъ, окруженныхъ высокими зубчатыми стѣнами. Благодаря любезности мароккескаго министра иностранныхъ дѣлъ, Абдъ-ель-Керимъ-бенъ-Слимана, я былъ принятъ султаномъ въ аудіенціи. Въ тотъ моментъ, когда я находился въ Мелахъ у родственниковъ одного еврейскаго представителя нѣмецкой фирмы Рихтеръ, явился султанскій солдатъ, искавшій меня по всему городу, и сообщилъ мнѣ, что султанъ ждетъ меня. Представитель нѣмецкаго консульства представилъ въ мое распоряженіе консульскаго солдата, я взялъ, кромѣ того, своего толмача и слугу, и наша кавалькада тронулась въ путь: впереди султанскій солдатъ, за нимъ консульскій солдатъ, затѣмъ я, затѣмъ толмачъ и въ заключеніе—мой слуга. Мы доѣхали по улицамъ новаго Фена до султанскаго дворца, гдѣ сошли съ лошадей. Солдатъ провелъ меня вмѣстѣ съ толмачемъ черезъ ворота на большой плацъ, затѣмъ черезъ вторыя ворота и мы очутились на длинномъ, обширномъ дворѣ. Посреди двора стояла стража, на заднемъ планѣ ожидалъ меня министръ двора, который, послѣ обычнаго поклона, открылъ третьи ворота и впустилъ меня вмѣстѣ съ моимъ переводчикомъ во дворъ, окруженный выкрашенными въ голубую краску и въ человѣчскій ростъ высоты—стѣнами. На заднемъ планѣ стоялъ простой двухъ-этажный домъ съ европейскими окнами, на правой сторонѣ, къ стѣнѣ примыкалъ цѣлый рядъ клѣтокъ, за рѣшетками которыхъ сидѣли львы, леопарды и другіе дикіе звѣри. Прямо передъ нами было четыре или пять ступеней, на верхней стоялъ султанъ. Это приземистый, довольно полный человѣкъ, въ бѣлой джедабѣ изъ мѣстной шерстяной матеріи. На головѣ у

него остроконечная красная феска, обвитая бѣлымъ тюрбаномъ. Своей одеждой султанъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго „махосни“. Только одно выделяетъ его изъ толпы,—это то, что онъ носитъ жидкую остроконечную бородку и маленькія бачки. Изъ-подъ красной фески только на 1 сантиметръ выступаютъ его черные волосы. Арабы, вообще, брѣютъ себѣ нижній край волосъ. Волосы, оставленные на лбу у султана, служили признакомъ траура по недавно умершей матери. Съ помощью толмача, мы бесѣдовали съ полчаса. Мнѣ хотѣлось добиться разрѣшенія у султана, спуститься внизъ въ челнокъ по самой большой рѣкѣ въ Марокко—Зебу, для того, чтобы узнать степень ея доходности, а также сдѣлать нѣсколько снимковъ. Но этого разрѣшенія султанъ мнѣ не далъ оттого, что онъ не могъ поручиться за безопасность въ виду броженія въ его странѣ. Онъ бы отказалъ мнѣ и во второй, не менѣе значительной просьбѣ—посѣтить священную Серхунъ-гору, но не могъ отказать на всѣ просьбы зарекомендованному ему европейцу, поэтому далъ желаемое разрѣшеніе и предоставилъ даже въ мое распоряженіе двухъ солдатъ и письменный пропускъ въ эту опасную область. Я сталъ готовиться для этого маленькаго, но очень опаснаго путешествія, надѣясь въ слѣдующій статъ подняться своими впечатлѣніями съ читателями.

Но вотъ чайный приборъ унесенъ, является черная невольница, родомъ изъ сосѣдняго Судана, съ большимъ мѣднымъ тазомъ и большимъ мѣднымъ кувшиномъ съ холодной чистой водой. Она подходитъ къ самому почетному изъ гостей и ставитъ передъ нимъ тазъ, надъ которымъ медленно льетъ воду на руки гостю. Подавъ ему общее полотенце, невольница поочередно обходитъ другихъ гостей и ухаживаетъ. Затѣмъ скоро возвращается обратно и ставитъ закрытое большое мѣдное блюдо по серединѣ на низенькомъ кругломъ деревянномъ столѣ. Каждый изъ гостей получаетъ по круглому хлѣбу, въ формѣ тѣхъ, какіе Христосъ раздавалъ на Тайной Вечерѣ; начинается обѣдъ. Мы отказываемся отъ вилки и ножей, предложенныхъ намъ, какъ европейцамъ. Арабскій обѣдъ, на которомъ бы не ѣли руками, былъ бы не въ стилѣ окружающей обстановки. И мы спокойно заѣдаемъ большимъ, среднимъ и указательнымъ пальцемъ въ блюдо, въ которомъ лежатъ сваренные въ собственномъ бульонѣ цыплята и бѣлоснѣжный рисъ, осыпанный петрушкой. Старшій изъ арабовъ, приготовлявшій чай, теперь угощаетъ насъ. Хозяинъ нашъ опять стоитъ у стѣны и слѣдитъ за нами. Онъ беретъ двумя пальцами мягкую грудъ цыпленка, разрываетъ пополамъ и подаетъ намъ. Мы съ удовольствіемъ съѣдаемъ и, поджаривъ арабамъ, разламываемъ нашъ хлѣбецъ на куски, беремъ кусокъ между указательнымъ и среднимъ пальцемъ и захватываемъ рису, сколько намъ надо, придерживая большимъ пальцемъ, откидываемъ немного голову назадъ и спускаемъ его въ ротъ. Предсѣдательствующій арабъ между тѣмъ предлагаетъ намъ все время лучшіе куски цыпленка и мы уничтожаемъ все съ большимъ аппетитомъ. Наконецъ, мы благодаримъ и облизываемъ жиръ съ нашихъ пальцевъ. Невольница уноситъ блюдо и возвращается снова съ тазомъ и полотенцемъ. На этотъ разъ требуется только легкое омовеніе большого, указательнаго и средняго пальца правой руки. Затѣмъ вносится новое блюдо съ поджаристой сочной бараниной, которая плаваетъ въ густомъ соусѣ чернаго и желтаго изюма. Это блюдо тоже превосходно. Къ сожалѣнію, мы ужъ такъ наѣлись цыплятъ, что должны были скоро отказаться отъ бара-

нины. Отчего такой обѣдъ долженъ казаться неаппетитнымъ въ глазахъ европейца? Передъ каждымъ блюдомъ и послѣ арабы моютъ руки, а давно ли наши собственные предки перестали лизать въ блюдо руками?

Предводительницы македонскихъ

четъ.

(Два портрета на стр. 320).

Борьба за освобожденіе всегда вызываетъ особый подъемъ антузизма и героическихъ подвиговъ. Исторія знаетъ много случаевъ, когда въ такія минуты на защиту человѣческихъ правъ выступила женщина. Такихъ примѣровъ особенно много у южныхъ народовъ, воспитывающихъ въ женщинъ пламенную любовь къ родному очагу и научающихъ ее съ дѣтства владѣть оружіемъ. Неудивительно, что и македонская борьба за свободу вдохновила женщину, которая безстрашно выступила на поле битвы и стала во главѣ группы вдохновленныхъ этой женской отвагой воиновъ. Вооруженная съ ногъ до головы, эти молодыя женщины производятъ впечатлѣніе скорѣе мужчинъ. Онѣ смѣло ведутъ въ бой свои четы, и туркамъ не разъ приходилось выносить тяжелые удары ихъ.

Іоанна и Катерина только одиѣ изъ многихъ балканскихъ женщинъ, взявшихъ за оружіе, чтобы бороться за свободу свою руку съ мужчинами.

„Консулъ“ шимпанзе.

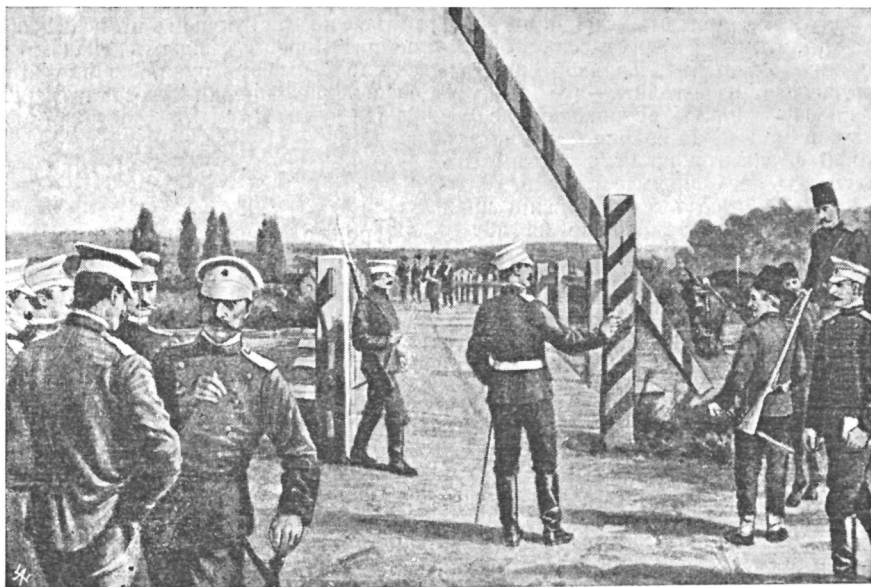
Весь Парижъ увлеченъ сейчасъ рѣдкимъ зрѣлищемъ. Въ столицу міра прибылъ удивительный экземпляръ шимпанзе, съ кличкой „Консулъ“.

„Консулъ“ 4½ года. Это въ высшей степени интеллигентное животное, со всѣми привычками истого джентльмена. Онъ путешествуетъ исключительно въ первомъ классѣ, причемъ путешествія его сильно утомляютъ. Онъ любитъ общество людей, охотно знакомится и сердечно пожимаетъ новымъ знакомымъ руки. Пріѣзжая на мѣсто назначенія, „Консулъ“ самолично отправляется въ багажное отдѣленіе и среди тысячи сундуковъ, саквояжей, пакетовъ, сразу узнаетъ свой багажъ.

Въ Парижѣ „Консулъ“ остановился не въ „Jardin d'Acclimatisation“, а въ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ, въ роскошномъ номерѣ, состоящемъ изъ трехъ комнатъ. Съ вокзала онъ уѣхалъ въ элегантномъ купѣ, въ сопровожденіи состоящаго при немъ негра. Онъ въ формѣ морского офицера.

Его постоянное мѣстожительство въ Нью-Йоркѣ, во дворцѣ, принадлежащемъ Ф. Е. Бостону, владѣльцу наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ животныхъ. Въ распоряженіи „Консула“ мѣтается гимнастическій залъ, столовая, спальня, пріемная и небольшой будваръ, гдѣ шимпанзе отдыхаетъ послѣ обѣда. Ежедневно, по утрамъ, онъ совершаетъ прогулку къ морю, гдѣ купается. „Консулъ“—одинъ изъ лучшихъ словцовъ Америки.

Однажды онъ почувствовалъ себя сильно нездоровымъ. Когда обезпеченный Бостонъ сталъ его допрашивать, „Консулъ“ объяснилъ, конечно мимикой, что у него болятъ зубы. Немедленно былъ приглашенъ зубной врачъ, констатировавшій порчу трехъ зубовъ. Шимпанзе не протестовалъ противъ операціи, и одинъ зубъ удалили. Всѣ думали, что

На болгарско-турецкой границѣ.

Мостъ черезъ рѣку, составляющую границу между Болгаріей и Турціей, охраняется войсками обѣихъ арій. Несмотря на строгія предостереженія со стороны правительства, каждую минуту готово прорваться наружу озлобленіе другъ противъ друга.

бѣдное животное успокоится, и зубной врачъ хотѣлъ уѣхать. Тогда „Консулъ“ заключилъ врача въ объятія и настоятельно потребовалъ удаленія остальныхъ испорченныхъ зубовъ. Благодарность животнаго послѣ операциі была безпредѣльна.

У „Консула“ есть свои страсти. Онъ любитъ дѣтей и при немъ неотлучно находится меленькій негръ, съ которымъ

ся съ разговоромъ. А когда онъ хочетъ говорить,—онъ издаетъ только нечлено-

Зоанна,

предводительница македонской четы, участвовавшая уже въ сербско-болгарской войнѣ и получившая золотую медаль за храбрость.

раздѣльные звуки, очень похожіе на говоръ глухонѣмыхъ людей.

Катерина Аривандова,
предводительница македонской четы.

онъ постоянно играетъ. Онъ любитъ искусство и съ особымъ удовольствіемъ разсматриваетъ картины, иллюстраціи, статуи. Ходитъ онъ всегда по образу человека и никогда не становится на четвереньки. Уши у „Консула“ очень большія, глаза полны выраженія ума и интеллигенціи. Шея совсѣмъ отсутствуетъ. Онъ пользуется прекраснымъ здоровьемъ, пьетъ изъ стакана и куритъ сигары, какъ истый джентльменъ. Онъ все понимаетъ, когда къ нему обращаютъ

Македонскіе инсургенты съ бомбами въ рукахъ отражаютъ нападеніе непріятели.